

С. Металник

Семь стихотворений.

I.

Сонъ Епископа Игнатія Ростовскаго.

Изрину князя изъ церкви собор-
ная въ полночь....

Автопись.

Сонъ лютой снился мнѣ: въ полночь, въ соборномъ храмѣ,
Изъ древней усыпальницы княжой,
Шли смерды мертвецы съ дымящими свѣчами,
Гранитный гробъ несли, тяжелый и большой.

Я поднялъ жезлъ, я крикнулъ: „Въ домъ Бога
Владыка — я! Презрѣнный родъ, стоять!“
Они идутъ . . . Глаза горятъ . . . Ихъ много . . .
И ни одинъ не обратился вспять.

23. 1. 1916.
С. Васильевское.

II.

Хозяинъ умеръ, домъ забить,
Цвѣтеть на стеклахъ купорось,
Сарай крапивою зарось,
Варокъ, давно пустой, раскрытъ
И по хлѣвамъ чадить навозъ . . .
Жара, страдѣ . . . Куда летитъ
Черезъ усадьбу шалый песь?

На голомъ остоѣ варка
 Ночуютъ старые сычи,
 Днемъ въ тополяхъ орутъ грачи,
 Но тишина такъ глубока,
 Какъ будто въ мѣрѣ нѣтъ людей . . .
 Мелѣетъ теплая рѣка,
 Въ степи желтѣетъ море ржей . . .
 А онъ летитъ — хрипять бока
 И пѣна льется съ языка.

Летитъ стрѣлою черезъ дворъ
 И черезъ садъ и дальше, въ степь,
 Кровавъ и мутенъ ярый взоръ,
 Оскаленъ клыкъ, на шеѣ цѣпь . . .
 Помилуй Богъ, спаси Христосъ,
 Сорвался пѣсь, взбѣсился пѣсь!

Вотъ рожь горитъ, зерно течетъ,
 Да кто-же будетъ жать, вязать?
 Вотъ дымъ валитъ, набатъ гудеть,
 Да кто-жъ рѣшится заливать?
 Вотъ встанетъ бѣсноватыхъ рать
 И какъ Мамай всю Русь пройдетъ . . .
 Но пусто въ мѣрѣ — кто спасетъ?
 Но Бога нѣтъ — кому карать?

23. VII. 1916.
 С. Васильевское.

III.

Ѣдемъ боромъ, черными лѣсами.
 Вотъ гора, песчаный спускъ въ долину.
 Вечерѣетъ. На горѣ предъ нами
 Лѣсъ щетинитъ новую вершину.

И темнымъ-темно въ той новой чашѣ,
 Гдѣ опять скрывается дорога,
 И враждебенъ мой ямщикъ молчащій
 И надежда въ сердцѣ лишь на Бога,

Да на бѣгъ коней нетерпѣливый,
 Да на этотъ нѣжный и пѣвучій
 Колокольчикъ, плачущій счастливо,
 Что на свѣтѣ все авось да случай.

9. IX. 1916.
 С. Васильевское.

IV.

Наполовину вырубленный лѣсъ,
 Высокія дрожащія осины
 И розовая облачность небесъ:
 Ночной порой изъ сумрачной лощины
 Въѣзжаю на отлогіи косогоръ
 И вижу заалѣвшія вершины,
 Съ таинственною нѣжностью, въ упоръ
 Далекимъ озаренныя пожаромъ.
 Остановясь, оглядываюсь: да,
 Пожаръ! Но гдѣ? Опять у насъ, — недаромъ
 Вчера былъ сходъ! И крѣпко повода
 Натягиваю, слушая неясный,
 На дождь похожій, лепетъ въ вышинѣ,
 Такой дремотно-сладкій и безстрастный
 Къ тому, что тамъ и что такъ страшно мнѣ.

27. VI. 1917.
 С. Васильевское.

V.

Душа навѣки лишена
 Былыхъ надеждъ, любви и вѣры,
 Потери намъ даны безъ мѣры,
 Презрѣнье къ ближнему — безъ дна.

Для ненависти и отвращенья
 Къ тому, кто этимъ ближнимъ былъ,
 Теперь нѣтъ даже выраженья:
 Насъ Богъ и этого лишилъ.

И что мнѣ будущее благо
 Россіи, Франціи! Пускай
 Любая буйная ватага
 Трамвай захватываетъ въ рай!

25. VIII. 1922.

Амбуазъ, Шато Нуарэ.

VI.

Зарось крапивой и бурьяномъ
 Мой отчій домъ. Живи мечтой,
 Надеждами, самообманомъ!
 А дни проходятъ чередой,
 Ведутъ свой кругъ однообразный,
 Не отпуская ни на мигъ
 Отъ пожелтѣвшихъ, пыльныхъ книгъ
 Да отъ вѣстей о безобразной,
 Несчастной, подлой жизни тамъ,
 Гдѣ по роднымъ, святымъ мѣстамъ,
 По нивѣ тучной и обильной
 И по моимъ былымъ слѣдамъ
 Чертополохъ растетъ могильный.

27. VIII. 1922.

Амбуазъ, Шато Нуарэ.

VII.

Все снится мнѣ заросшая травой,
 Въ глуши далекой и лѣсистой,
 Развалина капеллы родовой.
 Все слышу я, вступая въ этотъ мшистый
 Приютъ церковно-гробовой,
 Все слышу я: „Оставь ихъ мръ нечистый
 Для тишины сей вѣковой.
 Мечъ нашей славы, мечъ священный,
 Сними съ бедра, — онъ лишній въ эти дни,
 Въ твой вѣкъ безстыдный и презрѣнный.
 Передъ Распятымъ голову склони
 Въ знакъ обрученія со схимой,
 Съ затворомъ межъ гробами, — и храни
 Обѣтъ въ душѣ ненарушимо“.

27. VIII. 1922.

Амбуазъ, Шато Нуарэ.

Ив. Бунинъ.